

Глава 9. Лечебный центр «Лэнцзин» (07)

После молитвы все наконец разжали руки и приступили к еде.

Нань Цзюньи привык есть быстро, чтобы в случае чего быть готовым к любым неожиданностям. Поэтому, пока остальные успели проглотить всего по паре ложек, он уже расправился с большей частью густой каши в своей тарелке.

Однако, ощущая на себе взгляды медсестёр, он проявил поразительное самообладание и намеренно сбавил темп. Ему совершенно не хотелось стать первым, кто закончит трапезу, — это привлекло бы слишком много внимания. Поэтому он принялся нарочито водить ложкой по дну тарелки, собирая крошки, как можно дольше пережёвывал пищу и медлил с проглатыванием.

Все ели с разной скоростью. За третьим столом люди один за другим заканчивали, однако никто не вставал со своего места. Одни сидели с безучастными лицами, другие вновь складывали руки в молитвенном жесте. Они походили на статуи, намертво прибитые к стульям, словно ожидая какого-то безмолвного приказа.

Когда примерно треть присутствующих уже закончила есть, Нань Цзюньи тоже доел свою порцию.

Прошло ещё некоторое время. За третьим столом остался только пациент под номером «316».

Все взгляды одновременно устремились на него, молча следя за каждым его глотком.

«316» оказался худощавым мальчиком совсем ещё юным. В современном мире он, наверное, был бы обычным школьником. Когда десятки глаз одновременно уставились на него, его лицо заметно побледнело от страха. Пальцы, сжимавшие ложку, побелели от напряжения.

Он начал есть с такой скоростью, что уже буквально заглатывал пищу, не пережёвывая. Несколько раз он подавился кашей, но, казалось, совершенно не обращал на это внимания. Лицо у него покраснело, на глазах выступили слёзы, однако он продолжал отчаянно запихивать еду в рот.

Лишь когда тарелка «316» наконец опустела, все снова поднялись и молча направились к выходу.

Из-за огромного количества людей Нань Цзюньи не смог разглядеть, находились ли за другими столами Линь Сюэ и остальные. Поэтому ему оставалось лишь последовать за общей процессией и вернуться в свою палату.

В комнате не оказалось ни бумаги, ни ручки. После того как он попал в этот старомодный «новый санаторий», вся его одежда сменилась на такую же больничную пижаму, как у остальных пациентов. Разумеется, никаких личных вещей при нём не осталось.

Теперь единственное, на что он мог полагаться, — собственная память.

Нань Цзюньи запер дверь, умылся и, устроившись на кровати, начал приводить в порядок всё, что успел узнать.

Не оставалось никаких сомнений, что этот «новый санаторий» и прежний «лечебный центр» были совершенно разными зданиями. Это было очевидно и по внутренней планировке, и по окружающему пейзажу. Кроме того, между ними явно существовала разница во времени.

Хотя стеклянная стена и стала проводником, приведшим их сюда, всё происходящее говорило о том, что это вовсе не перевёрнутый зеркальный мир.

Значит, оставалась лишь одна возможность.

Его размышления внезапно прервала темнота.

Нань Цзюньи машинально поднял голову.

Последний горевший настенный светильник без всякого предупреждения погас, словно в университетском общежитии в положенное время отключили электричество.

В непроглядной темноте, где невозможно было разглядеть даже собственную руку, он медленно выдохнул.

Шум дождя за окном в наступившей тишине становился всё оглушительнее. Казалось, будто кто-то колотил по стеклу.

Похоже, в этом «санатории» был чрезвычайно строгий распорядок дня.

Нань Цзюньи вновь погрузился в размышления.

Общая пища.

Общие передвижения.

Общий ритм.

Даже среди студентов одинаковый распорядок обычно соблюдают лишь соседи по комнате. Но эта лечебница явно придавала коллективности какое-то особое значение.

Нет...

Точнее будет сказать, здесь людей не просто приучали жить сообща — их принуждали отказаться от самого понятия индивидуальности.

У всех пациентов отняли имена, оставив лишь номера. Это явно делалось для того, чтобы стереть их личность.

И ещё слова медсестры:

«Очиститься от грехов... стать совершеннее».

Если бы речь действительно шла о лечении больных, логичнее было бы говорить о «выздоровлении», а не о «совершенстве». Подобное слово скорее подходит для «переделки» или «создания» чего-либо.

И тот доктор с полностью забинтованным лицом...

Неужели он тоже является частью этой «переделки»?

Нань Цзюньи уже собирался развить эту мысль дальше, когда внезапно почувствовал что-то неладное.

Неверным было не направление размышлений.

Неверным было само ощущение.

Комнату заполняло какое-то необъяснимое, пробирающее до костей чувство неправильности, которое настойчиво заставляло его немедленно реагировать.

Он инстинктивно повернулся в сторону окна.

За окном дождь, казалось, усиливался с каждой секундой. Он лил всё яростнее, шум

становился всё сильнее...

И всё...

Шлёп! Шлёп! Шлёп!

Нань Цзюньи задержал дыхание, вслушиваясь в грохот дождя.

Да, дождь действительно усилился.

Но среди его шума звучало что-то ещё.

Что-то, отбивавшее странный ритм.

Через несколько мгновений лицо Нань Цзюньи резко изменилось.

Это было не просто похоже на то, будто кто-то барабанит по окну.

По окну действительно кто-то стучал.

Среди потоков дождя слышались удары множества ладоней по стеклу.

Сначала они были негромкими. Но, словно убедившись, что окно никто не откроет, эти руки становились всё яростнее, а удары — всё сильнее.

Нань Цзюньи почти мгновенно вскочил с кровати.

В комнате было настолько темно, что он мог ориентироваться лишь по положению кровати. Найти остальную мебель сразу оказалось невозможно.

К счастью, мебели здесь почти не было.

Нащупав стену, он двинулся вдоль неё и вскоре добрался до шкафа, стоявшего в углу.

Это оказался платяной шкаф. Внутри висели две запасных больничных пижамы, и больше ничего не было. Сам шкаф выглядел небольшим, однако из-за материала оказался куда тяжелее, чем можно было ожидать.

Поэтому Нань Цзюньи сначала пришлось приложить силы, чтобы сдвинуть его с места.

Шкаф с пронзительным скрежетом заскользил по полу.

Словно услышав шум в комнате, удары по окну внезапно оборвались.

Снаружи остался лишь шум дождя.

В комнате мгновенно воцарилась тревожная, давящая тишина.

Нань Цзюньи непроизвольно напрягся.

Сначала он хотел определить, где находятся занавески. Ведь если сразу толкнуть шкаф, можно случайно распахнуть их, а что скрывается за окном — предугадать невозможно.

Но теперь все эти предосторожности потеряли всякий смысл.

В следующее мгновение Нань Цзюньи ощутил за спиной пронизывающий до костей холод, а затем отчётливо услышал сухой треск.

Стекло треснуло.

Бесчисленные ладони сжались в кулаки и принялись яростно колотить по окну. Капли дождя непрерывно хлестали сквозь трещины, а хруст разбивающегося стекла расползался по всей раме.

Окно долго не выдержит.

Нань Цзюньи рванул к другой стороне шкафа и, вложив в толчок все силы, навалился на него. Теперь ему было уже не до того, выдаст ли его шум.

Когда шкаф почти полностью заслонил окно, стекло, державшееся до последнего, наконец не выдержало. С громким звоном оно разлетелось на куски.

И в тот же миг шкаф во что-то упёрся и больше не сдвинулся ни на волосок.

Во что он упёрся?

Сердце Нань Цзюньи мгновенно ухнуло вниз.

В непроглядной темноте ничего нельзя было разглядеть, но воображение само дорисовывало недостающее. Перед внутренним взором один за другим возникали жуткие образы: одна рука...

или множество рук. Несчётные мертвенно-бледные ладони просунулись сквозь разбитое окно и мёртвой хваткой вцепились в край шкафа.

— Впусти...

И тут Нань Цзюньи услышал невероятно странный голос.

Точнее, это не был голос одного человека. Казалось, одновременно говорили десять... нет, сотни людей. Мужчины, женщины, старики и дети — все они говорили в унисон, совершенно без эмоций.

Звук будто доносился из бесконечной дали.

Но хуже всего было то, что одновременно казалось, будто он звучит прямо здесь, в комнате.

От этого сердце Нань Цзюньи пропустило удар.

Сразу после этого шкаф яростно затрясся. Не ожидав такого, Нань Цзюньи едва не потерял равновесие. К счастью, опыта ему было не занимать, и не ослабляя нажима, он всем телом навалился на шкаф.

По этой дрожи он смутно ощущал, как то, что заклинило шкаф с другой стороны, отчаянно рвётся наружу.

— Впусти меня! Впусти меня!

Голос выл, словно пытаясь пробраться в комнату сквозь шкаф. По его обратной стороне непрерывно сыпались глухие удары — настолько частые, что волосы вставали дыбом.

Казалось, ветер и дождь разыгрались ещё сильнее. Сквозь щели в комнату хлынула волна отвратительного смрада гнили, смешанного с ледяной сыростью.

От этого зловония желудок Нань Цзюньи, совсем недавно принявший пищу, болезненно свело. К горлу подкатила кислая желчь, и его едва не вывернуло.

К счастью, разум пересилил естественную реакцию тела. Он крепко стиснул зубы и всё-таки сумел задержать дыхание.

Под подошвами ощущалось что-то липкое и холодное. Какая-то вязкая жидкость просачивалась сквозь щель между шкафом и окном. Было невозможно понять, дождевая ли это вода. От долгого противостояния и промозглого холода тело постепенно теряло чувствительность, не

позволяя судить наверняка.

Так нельзя.

Если всё так и продолжится, долго он не продержится.

Нань Цзюньи лихорадочно размышлял, не бросить ли комнату и не попытаться ли выскочить наружу. Он не знал, враждуют ли твари снаружи с медсёстрами и врачами и есть ли ночью какие-то запреты.

Но существо за окном уже почти проникло внутрь.

И думать тут было особенно не о чём. Если они оба окажутся заперты в этой комнате, нынешнее противостояние мгновенно превратится в одностороннюю бойню.

И уж точно не в его пользу.

Когда Нань Цзюньи, решившись рискнуть, уже собирался вытереть о штанину неизвестную жидкость, облепившую подошвы, из коридора внезапно донёсся торопливый топот.

Борьба за шкафом мгновенно прекратилась.

Но оно не ушло.

Оно словно чего-то ждало.

Нань Цзюньи чувствовал, что оно вовсе не отказалось от этой комнаты. Просто шум в коридоре ненадолго отвлёк его внимание.

Странно...

Неужели всё, что снаружи, представляет собой единое целое?

Едва эта мысль мелькнула у него в голове, как снизу раздался пронзительный предсмертный крик.

Почти одновременно с ним отчётливо клацнули ножницы.

Клац.

Клац.

Судя по звуку, ножницы были исключительно острыми.

Почему-то перед глазами Нань Цзюньи сразу возникла та медсестра, похожая на монахиню. Он хорошо помнил, что на её белом переднике висели очень острые хирургические ножницы.

В следующее мгновение давление с другой стороны шкафа исчезло.

За окном снова воцарилась тишина.

Остался лишь шум дождя.

Нань Цзюньи ещё долго стоял неподвижно, убеждаясь, что больше ничто не пытается проникнуть в его комнату. Лишь после этого он, волоча почти онемевшие ноги и дрожа всем продрогшим до костей телом, на ощупь добрался вдоль стены обратно к кровати.

Только сев на неё, он наконец понял, что за вязкая жидкость стекала ему под ноги.

Это была кровь.

Свежая кровь с тяжёлым металлическим запахом.

<http://bllate.org/book/21675/2320364>